

Бандурина Инна Петровна

соискатель Южно-российского государственного технического университета (НПИ),
кафедра экономики и управления предприятием,
«Линн-Политех», экономист
тел.: (8635) 24-23-75

**Экологические проблемы рыночного общества
в рамках концепции ресентимента**

Аннотация:

Рассмотрены подходы к решению экологических проблем в условиях рыночного общества. Показано, что эффективной методологической основой для управления процессами природопользования является концепция ресентимента М. Шелера, предполагающая следование правилам «ограниченного индустриализма», приоритет общечеловеческих ценностей перед технологической модернизацией и целями коммерческой деятельности.

Ключевые слова: экология, экономика природопользования, ресентимент, экологические риски, экологические движения.

Существование современных рыночных обществ связано с преодолением различных по характеру и масштабу угроз и рисков. Поэтому многие исследователи называют способы существования таких обществ «проблемными» [1; 2, с. 100–101]. Это отражает, в частности, все возрастающую неустойчивость современной рыночной цивилизации в целом, которая становится фактором экологического неравновесия. Все достижения этой цивилизации не являются абсолютно надежным фактором предотвращения многочисленных объективных рисков и угроз.

Развитые механизмы социального равновесия и согласия, сформировавшиеся внутри западного общества, не могут минимизировать социальные опасности, возникающие в связи с расширением рыночных порядков и техносферы, ростом вероятности техногенных катастроф. Эти же механизмы не гарантируют оптимального баланса с природной средой, что проявляется в возрастании угроз жизни отдельных членов социума и всей человеческой популяции.

Эти проблемы в последние десятилетия находились в центре внимания многих исследователей – социологов [3–6], использовавших различные методологические подходы и концепции. Одним из первых исследователей, рассматривавших экологические аспекты развития рыночного общества, был М. Шелер, опиравшийся на разработанную им концепцию ресентимента, подробно описанную в недавно изданной на русском языке его книге [7]. Интерес к этой теории, активизировавшийся в последние годы, привел к появлению ряда публикаций, имеющих целью найти пути использования идей ресентимента для решения современных проблем рыночного общества [2; 8], в частности экологических проблем.

Каковы перспективы практического применения концепции ресентимента М. Шелера в области социологических исследований, связанных с экологией? Этот вопрос обсуждается в вышеупомянутой работе [8], где критикуется односторонняя интерпретация шелеровской концепции ресентимента, а также существующие вокруг нее предрассудки, из-за которых ее социологическая разработка представлялась до сих пор затруднительной. Нередко в ресентименте видят первопричину переворота в абсолютном порядке ценностей и, отталкиваясь от него, описывают этот процесс. Но переворот в ценностях еще не означает того, что влияние ресентимента закончилось. Оно идет дальше, чем обычно предполагают. До сих пор исследователи не решались связать ресентимент с теоретико-познавательными подходами и с подходами в

области теории действия, не говоря уже о надлежащей теоретической разработке этой связи.

В понимании М. Шелера, ресентимент – это особое качество отрицательного эмоционального отношения отдельного человека или социальной группы, основанное на социальном неприятии или социальной агрессии. Это качество обуславливает полярную дифференциацию в обществе, при которой единение людей на основе позитивных ценностей замещается негативными настроениями и установками, вызывающими конфронтацию между людьми. По М. Шелеру, у современной рыночной цивилизации есть две альтернативы: «односторонний индустриализм», основанный на абсолютизации технологического развития, и «ограниченный индустриализм», когда технологический прогресс оправдан только в том случае, если он не наносит долговременного вреда ценностям жизни [7]. В первом случае речь идет об оправдании «временных трудностей», проявляющихся в ущербе, наносимом природной среде, который якобы может быть компенсирован на следующем, более высоком витке технологического развития. Во втором – объявляется самоценным сохранение природной среды наряду с сохранением семьи, этноса, национальной идентичности.

Подход М. Шелера достаточно точно описывает тенденции, наблюдавшиеся в российских исследованиях экосоциальной тематики и деятельности отечественных экологических движений. На наш взгляд, причины этого наиболее точно указаны в статье О.Н. Яницкого: «Почему с середины 1970-х годов экосоциальная проблематика оказалась в СССР востребованной? Да потому, что впервые в новейшей истории страна перешла от казарменного и бивуачного образа жизни к оседлому, к самоорганизации на местном уровне, обживанию среды своего непосредственного обитания. Как только людьми был достигнут минимальный уровень стабильности, личной безопасности и уверенности в завтрашнем дне, экосоциология стала востребованной...» [9]. По мнению этого же автора, два направления, развиваемые отечественной экосоциологией, – изучение рисков и локальных сообществ, обоснование статуса локального экосоциального знания – представляются в настоящее время наиболее перспективными. При этом анализ жизни местных сообществ, на которых держится разнообразие природного и культурного мира, как правило, строится на взаимодействии экосоциологии и политологии.

В этом контексте следует отметить исследования современной социальной экологической практики [10], где на основе различных социологических парадигм, объясняется структура природоохранной деятельности. Показаны экологические практики в различных структурах общества, исследовано их формирование и развитие, а также перспективы их использования. Анализируя современные представления о познавательной и преобразовательной деятельности человека, трактовки социальной экологической практики, исследователи экологических практик продолжают традиции российского обществоведения, которые существенно отличаются от западных «экономически детерминированных» подходов. Авторы исследований по этой тематике исходят из понимания общества как целостного социального организма в единстве его хозяйственной, политической и культурной жизни.

Российская экосоциология, взаимодействуя с другими дисциплинами, внесла весомый (уже зафиксированный международным сообществом) вклад в изучение экологических движений. Изучена их динамика, выявлены их порождающие среды, процессы диверсификации, стратегии, тактики, особенности деятельности и др. Следующие выводы представляются, по мнению О.Н. Яницкого [9], принципиальными: эти движения преследуют цель сохранения общего блага и поэтому всегда будут в оппозиции тем, кто преследует благо корпоративное или частное; но эта оппозиция конструктивная, направленная на помощь государству и обществу; эти инициативы и движения накопили огромный инновационный потенциал. На наш взгляд, очевидно, что деятельность таких организаций может быть представлена как соответствующая шелеровской концепции «ограниченного индустриализма».

Потенциал этих организаций должен быть использован как ресурс модернизации российского общества, который особенно важен в современных условиях, когда деструктивным для экологической политики стал подъем ресурсодобывающих отраслей и формирование добывающих корпораций. В интересах олигархического добывающего капитала была проведена унификация правил взаимодействия социальных, экономических и политических субъектов на всей территории страны. При этом и у власти, и у капитала сформировались одинаковые приоритеты: охрана среды должна осуществляться, но не должна мешать экономическому развитию. Деградация федеральной экополитики – это процесс, жестко обусловленный ростом эксплуатации природных ресурсов, и в полной мере описываемый как «односторонний индустриализм» по М. Шелеру, допускающий возможность экологической модернизации производств на последующих этапах технологического развития.

Поэтому внимание многих исследователей привлекают социальные проблемы экологической модернизации производств [11; 12; 13]. В этих работах делается попытка ответить на вопрос: при каких обстоятельствах происходит экологическая модернизация на крупных промышленных объектах в России? Так, О.Н. Яницкий [11] утверждает, что экологическая модернизация предприятий – это введение менеджмента, изменения в технике, технологии производства и пользовании ресурсами, которые приводят к экологическому природопользованию и, в конечном итоге, к решению социальных проблем не только работников предприятий, но и общества в целом. Исследователи этих проблем представляют сценарии, по которым предприятия вступают на путь экологической модернизации, и рассматривают, какие акторы и изменяющиеся контексты подталкивают эти предприятия к экологизации практик природопользования. К сожалению, исследования по проблемам экологической модернизации производства, как правило, не рассматривают роль и место экологических организаций и движений в решении вопросов экологической модернизации.

В этих условиях представляется необходимым проведение исследований социально-экономических аспектов природоохранной деятельности, построенное на методологии ресентимента и использующих инструментарий экономической социологии.

В центре предметного поля такого исследования должно находиться экономическое поведение индивидов и социальных групп, действующих в качестве активных социальных субъектов, связанных определенными социальными отношениями и взаимодействиями и включенных в конкретные социально-экономические процессы.

В соответствии с современными методологическими тенденциями необходимы сравнительные исследования различных хозяйствующих субъектов и социальных групп, участвующих в процессах природопользования и выражающих свои интересы (например, предприятиями разных организационно-правовых форм, государственными природоохранными организациями, общественными экологическими движениями и др.).

Процессы и системы природопользования должны отвечать целям общества в целом, которые, в свою очередь, могут быть сформулированы на основе важнейших положений Конституции Российской Федерации, утверждающей, что политика Российского государства «... направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека...» (статья 7, п. 1 Конституции России). В какой мере те или иные решения в области природопользования способствуют созданию этих условий, способствуют росту качества жизни членов общества? Нахождение ответа на этот вопрос представляет собой еще одну задачу – исследование социальной эффективности экономических решений в области природопользования, касающихся создания и организации деятельности социальных групп, связанных с природопользованием.

В рамках теории ресентимента наиболее важны условия мотивации людей, осуществляющих различные виды деятельности, связанные с природопользованием. При построении систем мотивации в экономической социологии традиционно выделяют три точки зрения – акционера (владельца), сотрудника и менеджера. Интересы всех их носят, по сути, коммерческий характер. Рассматривая социальные аспекты экономической деятельности, связанной с природопользованием в рамках теории ресентимента, необходимо также рассматривать мотивацию членов гражданского общества, выражающих свое отношение к тому или иному проекту, представляющих интересы общества в целом.

Решение вышеперечисленных задач может быть достигнуто в ходе целенаправленного исследования мотивации экономической деятельности и развития персонала в российских экологических организациях и организациях-природопользователях. Такое исследование требует анализа экономической деятельности и формулирования задач развития в российских экологических и природоохранных организациях, а также в организациях-природопользователях. При этом персонал в природоохранных организациях должен рассматриваться как ведущий экономический ресурс, проблемы мотивации и развития которого специфичны. Кроме того, должен быть рассмотрен существующий социально-экономический инструментарий управления персоналом в природоохранных организациях и сформулированы задачи его совершенствования.

Наиболее важной представляется мотивация и развитие персонала в экологических и природоохранных организациях. При этом персонал этих организаций должен рассматриваться как специфическая социально-профессиональная группа со своими экономическими интересами. Основой его развития является совершенствование профессионального тезауруса, а организационная культура экологической организации представляет собой фактор мотивации экономической деятельности и развития ее участников. В этом случае мотивация персонала должна основываться на представлениях М. Шелера, предполагающих приоритет «витальных» ценностей – ценностей сохранения жизни.

Эффективно работающая природоохранная организация, как указывалась выше, может стать эффективным инструментом социального контроля в экономике. Как отмечает О.В. Аксенова [13], децентрализация власти и управления, происходившая в России после распада СССР, с 2000 г. сменилась открытой и последовательной политикой централизации (создавались федеральные округа, реформировалась система губернаторских выборов, стало проводиться укрупнение регионов). Одновременно с общим укреплением «вертикали власти» осуществлялась централизация экологической политики, которая, однако, привела к противоположному результату. Исследования показали, что ключевой тенденцией современного развития российской экополитики стала ее локализация, и в настоящее время основная экополитическая активность осуществляется на местном уровне – в районах и городах. В западной социологии децентрализацию, как передачу властных полномочий и ресурсов от центрального правительства на более низкие уровни (региональный и локальный), принято связывать с усилением демократии, поскольку децентрализация приближает принятие решений к населению, в частности, децентрализация повышает роль местной экополитики и экологического саморегулирования. Соответственно, концентрация власти на верхних уровнях политической и управленческой иерархии означает усиление авторитаризма и снижение роли самоорганизации.

В российских условиях построение процессов централизации, равно как и децентрализации, представляет собой довольно сложную задачу. Целый ряд факторов, несвязанных непосредственно с организацией общества и политической системой, не позволяет (и никогда не позволял) полностью централизовать российское (а прежде – советское) управление. Применительно к экологическому контролю это было связано, в частности, с тем, что в России разнообразие и локальность экологических рисков являются серьезным препятствием для осуществления централизованного управления: невозможно учесть все опасности и

разработать единую стратегию их минимизации. Институциональная система управления, которую в те годы формировало Министерство охраны природы, позволяла (и обязывала) региональные администрации разрабатывать свои собственные механизмы и правила контроля, свои программы решения региональных экологических проблем. Региональные подразделения Министерства должны были играть в этом процессе ключевую роль. Региональная экополитика складывалась в результате взаимодействия региональных властей и компаний, экологических неправительственных организаций, местных жителей. В стране осуществлялось взаимодействие между этими акторами, принимались региональные и местные законы и постановления. К концу 1990-х гг. в российских регионах сложились разнообразные модели экологической политики. Сформировалась весьма сложная комбинация федеральных, региональных и местных схем взаимодействия различных акторов. Это во многих случаях обусловило недостаточную эффективность социального контроля за экономической деятельностью в части сохранения природной среды и минимизации негативного техногенного воздействия на нее. В этих условиях локализация экополитики неизбежна, поскольку экологический риск не исчезает, местные экологические неправительственные организации и местные жители вынуждены активно действовать в социально-экологической сфере и добиваться снижения риска, даже в условиях социальной нестабильности, а местные администрации вынуждены, так или иначе, разрешать существующие на их территориях проблемы.

На вышеописанной основе может быть построена система социально-экономического управления деятельностью экологических и природоохранных организаций, которая, на наш взгляд, должна включать в себя методику диагностики их организационной культуры и ее совершенствование на основе представлений «ограниченного индустриализма» М. Шелера.

Ссылки:

1. Schoeck H. *Der Neid. Eine Theorie der Gesellschaft*. Freiburg-Munchen: DF, 1978.
2. *Экономическая социология* / под ред. Верховина В.И. М., 2006.
3. Кульпин Э.С. *Социально-экологическая история: предмет, метод, концепция*. М., 1992.
4. Яницкий О.Н. *Российская экосоциология за 50 лет: итоги и новые вызовы* // *Социальные исследования*. 2008. № 6. С. 139–145.
5. Hajer M. *The politics of environmental discourse. Ecological modernization and the policy process*. Oxford, 1995.
6. Садовский А. *Наука об экологической модернизации промышленности – геоэкология* // *Экология и промышленность России*. 1996. С. 34–54.
7. Шелер М. *Ресентимент в структуре моралей* / пер. с нем. Малинкина А.Н. СПб., 1999.
8. ЧерУнг Пак. *Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств*. URL: http://www.krotov.info/libr_min/25_sh/shel/er1.html#1
9. Яницкий О.Н. *Российская экосоциология за 50 лет: итоги и новые вызовы* // *Социологические исследования*. 2008. № 6. С. 139–145.
10. Рыбакова М.В. *Современная социальная экологическая практика*. М., 2006.
11. Яницкий О.Н. *Актеры и ресурсы социально-экологической модернизации* // *Социологические исследования*. 2007. № 8. С. 3–12.
12. Садовский А. *Указ. соч.*
13. Аксенова О. *Экологическая модернизация: стратегия самосохранения индустриального общества* // *Социальные аспекты глобализации мировой экономики*. М., 1998. С. 35–56.